

Очень быстро все записавшиеся на встречу старые одноклассники собрались, их было меньше тридцати человек, более половины от общего числа людей в классе в то время. Прошло столько лет после выпуска, собрать столько людей вместе — уже не легко.

Блюда принесли более чем наполовину, организатор Нью Тэн встал, произнес краткую речь. Все смеялись и шумели, пользуясь разогретой атмосферой, поворачивали каждое блюдо по кругу, в животах появилась основа, затем начали единым фронтом нацеливаться на Сун Сияня и Чжэн Цзыжана.

Издавна на собраниях всегда нужно было уложить нескольких, сегодня эти двое напугали их до полусмерти, если не напоить их двоих под стол, как быть достойным своих перепуганных сердечек?

Ян Кэсинь захватил палочками кусочек маринованных зимних побегов бамбука, открыл первый огонь:

— Староста, эти годы на собраниях ты не приходил, где развивался?

У Чжэн Цзыжана кусочек свиных ребер в кисло-сладком соусе еще не попал в рот, пришлось отложить и сначала ответить на его вопрос:

— После окончания бакалавриата уехал учиться за границу, потом после выпуска остался там работать на несколько лет, перед Новым годом только вернулся.

— Как раз! Я тоже выходил на три года, это правда — еда не по сердцу, питье не по сердцу, скучал по дому так, что готов был броситься в океан и проплыть обратно, — с преувеличением сказал Ян Кэсинь.

Услышав это, Чжэн Цзыжань кивнул и сказал:

— Действительно хотел вернуться, каждый день думал.

Лян Сяофэй, услышав эти слова, почувствовал зубную кислоту. Сун Сиянь делал вид, что не слышит, между его и Чжэн Цзыжана стульями было просторно настолько, что можно было еще впихнуть половину человека, вид полного разграничения, только и дела что зарывался в еду.

Ян Кэсинь потому поднял бокал в сторону Чжэн Цзыжана:

— Теперь хорошо, наконец вернулся, давай, староста, выпьем по одной!

Сказав, он вытянул руку, чокнулся с Чжэн Цзыжанем, запрокинул голову и осушил бокал до дна.

Все крикнули «Хорошо!», поворачивая головы смотреть на Чжэн Цзыжана. Последний словно чувствовал свою сегодняшнюю судьбу, покорно улыбнулся, поднял бокал, так же осушил до дна. После выпивки он привычно подхватил рядом стоящую бутылку пива, снова налил полный бокал, сказал всем:

— Эти годы снаружи, все не мог вернуться, очень жаль, что пропустил собрания за несколько лет. Сегодня пришел сразу с таким шумом, испугал всех, действительно извините, я штрафую себя тремя бокалами.

Три бокала выпил, бутылка пива увидела дно. Настроение толпы мгновенно взлетело, и, глядя

на то, что он так понимает дело, временно отпустили его есть.

Сун Сиянь посмотрелся на корзину веселья, поел тоже так, что в животе появилась основа. Чжэн Цзыжань штраф себя закончил и только сел, они двое еще не успели пообщаться, как очередь дошла до него. Линь Сяона собрала рассыпанные волнистые волосы в хвост, открыв красивую шею, кивнула подбородком в сторону Сун Сияня:

— Яньянь, ты тогда верхней губой коснулся нижней, легко-легко выпалил фразу, сегодня же нас здорово напугал. У сестры душевная травма, тебе не нужно что-то выразить?

Взоры всех в этот раз упали на Сун Сияня, последний положил палочки, поднял бокал и улыбающееся лицо:

— Сестра На, действительно извините, в тот раз опьянел, после бредни забыл. Не думал, что раню всех, я штрафуюсь.

Сказав, запрокинул голову, осушил.

Один бокал допил, те, кто с учебы любил подначивать и поджигать, не согласились:

— Наш староста штрафовал себя тремя бокалами, плюс передний тот всего четыре бокала, твой один бокал как-то обманывает людей.

Сун Сиянь тайно бросил взгляд на Чжэн Цзыжана, поскрежетал зубами, снова взял бутылку вина. Только налил полный, еще не поднес ко рту, как Чжэн Цзыжань поднял руку и остановил:

— У него неважная выносливость к алкоголю, пусть будет один бокал.

Только слова закончил, остальные однако ни один не согласились:

— Староста, ты эти годы не возвращался, так и не знаешь, наш одноклассник Сун то ли море в животе, эти два-три бокала, нет никакой разницы с водой. Ты в тот год, когда не видел, всегда он один валял наш целый стол. Неважная выносливость к алкоголю и такое, это сколько лет назад дело?

Чжэн Цзыжань с удивлением посмотрел на Сун Сияня, как раз двое встретились взглядами. Сун Сиянь, должно быть, фыркнул:

— Верно, ты не знаешь.

Сказав, снова выпил бокал до дна.

Лян Сяофэй сидел рядом, бросил взгляд на него и Чжэн Цзыжана, тут же лицо полное горя.

Моргом выпил три бокала, Сун Сиянь положил бокал, подхватил палочки, как ни в чем не бывало продолжил с аппетитом уплетать. Взгляд Чжэн Цзыжана всё время падал на него, смакуя только что услышанные те несколько слов, очень плохо на душе. Взгляд еще не сместился с него, плечо хлопнули, обернулся посмотреть, это была Фан Мин.

Фан Мин подошла с другого стола, конечно тоже неся вино, Чжэн Цзыжань только поднял бокал и встал, как услышал, как она открыто начала:

— Староста, выехал за границу и ни одной вести нет, не странно, что Сун Сиянь скажешь ты

умер, все поверили. Напрасно я тайно влюблялась в тебя так долго, даже вести не дала, довольно ранит сердце, давай, этот бокал пьем до дна.

Эти слова вышли, атмосфера в кабинете мгновенно взорвалась. Кожа на голове Чжэн Цзыжана тоже взорвалась, он тихонько краем глаза бросил взгляд на Сун Сияня, выражение последнего казалось чуть более тяжелым, чем только что, не мог сердце не опуститься.

Много лет назад в классе были одноклассники, передававшие слухи, что Фан Мин нравится Чжэн Цзыжань, это дело тогда было записано очень мелочным Сун Сиянем надолго. В то время Чжэн Цзыжань, чтобы доказать Сун Сияню, что Фан Мин не любит себя, высказал хорошую длинную речь, если записать — это будет отличное эссе для гаокао. Но не думал, что это оказалось, что правда.

Одноклассники, которые не боятся больших дел, начали подначивать, тихая и культурная девушка учебного сектора изменилась, стоя перед только что объявленным ею объектом тайной любви, ни капли не стеснясь. Чжэн Цзыжань смотрел на ее улыбающееся выражение, смутно немного болел желудок:

— Благодарю учебный сектор за любовь, но действительно жаль, этот человек эти годы сердце принадлежит другому, должен разочаровать твою доброту. Я выпью до дна, вы как хотите.

Выпив бокал вина, хозяйка учебного сектора улыбнулась особенно ярко, подняла свою левую руку показать ему:

— Тетя уже давно вышла замуж, какой глупый дурак может полагаться на тайную любовь и ждать тебя столько лет, без надежды и без перспективы.

Чжэн Цзыжань смотрел на сверкающее бриллиантом кольцо на её руке, кивал головой в знак согласия, она снова спросила:

— Твоя та «сердце принадлежит другому» как? Вы двое поженились?

— Нет.

— Мы эта банка людей уже бежим к тридцати, семнадцати-восемнадцатилетние юношеские чувства — это дело более десяти лет назад. Почти тридцать, будь степеннее, хочешь жениться — скорее женись.

Сун Сиянь, услышав её то «почти тридцать, будь степеннее», не выдержал и повернул голову посмотреть на Лян Сяофэя. Обнаружил, что Лян Сяофэй как раз смотрит на него с лицом полным горя:

— Смотришь на меня зачем? У тебя какой взгляд?

Лян Сяофэй вздохнул:

— Юношеские чувства — всё стихи. Сиянь на, ты правда не хочешь с ним восстановить отношения? — он понизил голос, — ты только что лицо тянул длиннее, чем у осла, а как только он сказал, что сердце принадлежит другому, у тебя лицо сразу дождь прошел, небо ясно. Почти тридцать, будь степеннее.

Сказав, он, вздыхая, пошел есть.

Сун Сиянь из-за его слов молчал хорошую половину дня. «Восстановить отношения»? Эти два слова в последнее время частота появления просто высока аномально, почти уже догоняют те два слова «расстаться» того года. Он брови нахмурил, тут же успокоился, не сделал никакого ответа.

Опоздавшее на десять с лишним лет признание закончилось, Фан Мин удовлетворенная ушла с бокалом. Чжэн Цзыжань тоже сел обратно, снова посмотрел на Сун Сияня, но не смог с того безличного лица увидеть никаких признаков.

В следующее время, чем больше пили, тем более кайфовали старые одноклассники, после того как убили несколько ящиков пива, почувствовали недостаточно, снова заказали кучу белого. Сун Сиянь заплатил цену за свою бредню, близко тридцати человек, более половины приходили искать компенсацию за душевную травму, пиво и белое чередовались, наконец довели его до отключки.

Чжэн Цзыжань тоже было не лучше, у него изначально было одно преступление там, сзади добавилось одно дело тайно влюбленной учебки больше десяти лет, плюс все толкали его расспрашивать про то «сердце принадлежит другому» дело, он стиснул зубы не отпускал, в конце тоже был залит.

После окончания собрания старые одноклассники один за другим пьяные с красными лицами и раздутыми животами, стоило много мыслей, чтобы хорошо спланировать каждый домой маршрут и способ транспорта. У входа в Сяо Лайфу было очень оживленно, толпа постепенно рассеялась, Лян Сяофэй как единственный из троих еще считающийся трезвым, настроение очень тоскливое. Он тоже пил вино, сам машину вести не мог, пришлось позвать водителя замены. Пока ждал, он тех двоих, которые уже забыли, как их зовут, бросил на ступеньки у входа Сяо Лайфу, а сам сел в сторону думать о жизни.

<http://bllate.org/book/16804/1545324>